

УДК:16

БОНДАРЕНКО Наталья Григорьевна,
доктор философских наук, Москва, Россия
e-mail: 425257@mail.ru

BONDARENKO Natalya Grigorevna,
Doctor of Philosophical Sciences, Moscow, Russia
e-mail: 425257@mail.ru

БОЛОТОВА Ульяна Владимировна,
кандидат философских наук, Москва, Россия
e-mail: madamBolotova1@yandex.ru

BOLOTOVA Ulyana Vladimirovna,
Candidate of Philosophical Sciences, Moscow, Russia
e-mail: madamBolotova1@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВА Инна Анатольевна,
кандидат социологических наук, Москва, Россия
e-mail: Julia_026@mail.ru

VASILEVA Inna Anatolevna,
Candidate of Sociological Sciences, Moscow, Russia
e-mail: Julia_026@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF MODERN HISTORICAL KNOWLEDGE

Статья посвящена обсуждению методологических проблем современного исторического познания, соотношения содержания и формы исторического знания, а также выявлению достоинств и недостатков риторики как методологической стратегии историописания. Проанализирована точка зрения Хейдена Уайта о введении логики праксиса. Аргументирована позиция автора о том, что историческая репрезентация должна опираться на логику жизни, проживаемой в противоречиях. По итогам проведенного исследования отмечено, что, интуитивно опасаясь называть историописание не законом, а риторикой, нужно все же признать, что именно риторика в большей степени отвечает целям исторического исследования, поскольку значения в нем не открываются (обнаруживаются), а производятся. В историческом исследовании главной эпистемологической единицей выступает концепт «точка зрения», нарративное суждение, которое может быть принято или отвергнуто, но не может быть оспорено, потому что таков уникальный опыт автора. И потому что всегда существуют противоположные точки зрения, исключающие эту.

The article is devoted to the discussion of the methodological problems of the modern historical experience, the ratio of the content and form of historical knowledge. As well as identifying strengths and weaknesses of rhetoric as a methodological strategy of historiography. Analyzed the point of view of Hayden White on the introduction of the logic of praxis. Argues the author's position that historical representation must rely on the logic of life, live in contradictions. According to the results of the survey indicated that intuitively afraid to call historiography is not the law, and rhetoric, we need to recognize that rhetoric is largely meets the purposes of historical research, since it does not open (detected), and produced. In the historical study of the main epistemological unit is the concept of «point of view», the narrative judgment, which can be accepted or rejected, but may not be challenged, because this is a unique experience of the author. And because there are always opposing views, which excludes this.

Ключевые слова: историческое познание, историописание, риторика, нарратив, историческое сознание, логика праксиса, интерпретация, репрезентация.

Keywords: historical knowledge, writing of history, rhetoric, narrative, historical consciousness, logic of praxis, interpretation, representation.

Историческое исследование в постсовременной познавательной схеме крайне проблематично. Самоописание человеком собственных, как настоящих, так и прошлых, состояний – сложнейшая интеллектуальная деятельность, не лишенная иллюзии ложной ясности.

Созданный образ хрупок и распадается от любого прикосновения к нему рационально-логического мышления. Знание о человеке, полученное путем философствования, не приводит ни к пониманию человека (генерализованное понимание человека – миф), ни к даже к демаркации антропологического и социального [1, с. 20–21]. Человек далеко продвинулся по пути познания природы, но, видимо, заплатил за это незнанием себя.

Еще более сложной задачей являются попытки описать общество, поскольку человек пытается свидетельствовать о социальном мире, пребывая одновременно с этим в мире антропологическом. То, что эти миры очень различны по своим структурно-функциональным и динамическим характеристикам, очевидно: человек смертен, его жизнь коротка и не сопоставима с историческими дистанциями жизни общества; человек живет в приватном мире и очень редко становится «человеком социальным», только инклюзивно, точно, случайно, когда его антропологическая интенция оказывается конвергентной социокультурным интернациональным течениям [5, р. 5–7]. Человек проживает свою жизнь, не сумев понаблюдать и понять всего общества целиком: оно слишком громадно и неохватно для него. Антропологический мир выстраивается из небольшого социального окружения, рассматривая который человек производит индуктивные умозаключения обо всем обществе. Такое познание, основанное на неполной индукции, очень искажает суждения человека об обществе, дописывая пробелы и неясности с помощью мифологических инструментов до состояния завершенности.

Однако самым сложным является творчество по историческому описанию, то есть попытки получить достоверные знания о прошлых состояниях общества. С точки зрения фор-

мальной логики историописание не имеет ничего общего с действительностью. Никакой существующий предмет, явление или процесс не может быть описан как «необходимый», «случайный», «закономерный», «вероятный», «относительный» и пр., поскольку любая из этих характеристик – абстракция, а предмет описания конкретен, то есть обладает бесконечным множеством нередуцируемых связей. Историописание по своей сути – это длинная цепочка абстракций, произвольно избранных редукций, хорошо или плохо связанных между собой. И уже по этой причине оно не достоверное свидетельство о прошлых состояниях объекта (общества), а всего лишь ненадежное свидетельство того, что субъект, являющийся его автором (возможно, коллективным) задумывался о динамической стороне бытия и предпринял ряд интеллектуальных усилий по ранжированию увиденных им предикатов объекта.

К тому же достоверное знание о прошлом общества затруднено конечными целями историотворчества. Человека привлекает парадоксальное, уникальное, исключения из правил, современного человека больше интересуют интерпретации, чем факты. Для истории как науки все эти свидетельства антропологического мира оказываются излишними, они загромождают ее исключениями, заковывают в формат нарратива, лишая малейшего движения мысли. Стремясь обрести свободу, историческая наука движется по пути редукции уникального и стремится оставить себе преимущественно закономерное, повторяющееся, универсальное. В сознании человека, пишущего историю, происходит непрерывная борьба интереса с долгом, свободы с несвободой. Кроме того, выходя за границы антропологического и настоящего, человек лишается привилегии описывать свои наблюдения. Он сам себя их лишает. Вторгаясь в динамическое измерение, он теряет ориентиры ясной деятельности: во времени нельзя быть определенным, ясным, полным. И уже по этой причине человек не способен дать окончательное суждение о прошлом. Он гипостазировывает, экзистенциально проецируя собственное «здесь и сейчас» на избранный им момент времени. И без онтологической определенности никак не может обойтись и обрести ее нигде не может, кроме как позаимствовать у себя же. История не может лишиться онтологии и не превратиться в рефлексивную спекуляцию. Однако она не может позволить онтологии всецело захватить себя и превратиться в нарратив.

Историческое исследование действительно проблематично. Историки мыслят себя учеными-эмпириками, но эта эмпирия не имеет ничего общего с лабораторными экспериментами. Они также мыслят себя теоретиками, однако содержание истории не системно и не философски теоретично. Они мыслят себя аналитиками, но не имеют объекта анализа, поскольку работают с образами и репрезентациями.

Приведенных выше причин, казалось бы, хватает для того, чтобы умозаключить, что история как наука невозможна. Однако практика свидетельствует об обратном: история как наука существует, историки воссоздают и описывают события прошлого, присваивают им определенные значения. И общество эти значения так или иначе разделяет. Более того, социальные теоретики, размышляющие об историческом познании, научились разрешать и снимать логические противоречия между уникальным и универсальным. Хейден Уайт описывает это в терминах замены логики риторикой (или же введением разновидности альтернативной логики, логикой праксиса). Он полагает, что в историческом познании использование гегелевской логики не только избыточно, но и вредно, поскольку логика Гегеля чрезвычайно формализовала практическое мышление. Отношения и связи людей, описываемые историей, не силлогистичны, это – энтимема, не следующая правилам строгого вывода.

Возникновение логики праксиса не современно. Дж. Ст. Милль и сам Гегель, например, считали, что для практического описания общественной жизни нужна менее категоричная логика, поскольку логика праксиса не может следовать законам тождества и непротиворечия. И подобный тип мышления нельзя аксиологически негативировать, поскольку он отвечает качествам своего референта: общество само постоянно создает такие ситуации, в которых человек вынужден думать и действовать противоречиво и непоследовательно. (Этот тезис, зафиксированный Х. Уайтом, отражает ключевое противоречие, о котором споткнулись «вульгарные» марксисты, считавшие, что если в аргументе обнаружено противоречие, то такой аргумент следует уничтожить. Видимо, не следует, потому что в противном случае мы получаем инструмент, не способный описывать жизнь). Люди постоянно мыслят, живут и действуют в противоречиях, противоречиями компенсируются человеческие жизни [2, с. 81]. Следовательно, историческая репрезентация должна опираться не на формальную логику, а на логику жизни, проживаемой в противоречиях и систематических отклонениях от правил. Причем описания такой жизни должны быть не нарративны и должны сохранять свободу импровизаций. Величайшая опасность нарративной теории истории может заключаться в том, что история утратит классический статус академической дисциплины и перестанет играть свою важнейшую роль в культурной и политической жизни.

Одним из важных открытий, позволяющим историописанию легитимно присваивать себе статус достоверного знания, учитывая эти условия, стало описание немецкими философами такого феномена, как «историческое сознание». Это, выражаясь термином П. Бурдьё, особый символический медиум, медиальная инстанция ценностей, расшифрованных и скрытых значений о прошлом, позволяющая говорящим о мире на разных языках разделять и сопрягать смыслы [3]. Как заметил в свое время Протагор, язык произволен в отношении мира, о котором он говорит [4, с. 85–97], а язык истории тем более произволен, потому что мира, о котором он говорит, не существует. Истинность подобной речи устанавливается не объективно, а интерсубъективно – ее удостоверяют люди, имеющие на это полномочия, то есть из отношения речь об истории превращается в суждение. В историческом познании не существует истины, отделенной от репрезентации, как это наглядно доказала лингвистическая философия в XX в. Поэтому, интуитивно опасаясь называть историописание не законом, а риторикой, нужно все же, признать, что именно риторика в большей степени отвечает целям исторического исследования, поскольку значения в нем не открываются (обнаруживаются), а производятся.

В историческом исследовании главной эпистемологической единицей выступает концепт «точка зрения», нарративное суждение, которое может быть принято или отвергнуто, но не может быть оспорено, потому что таков уникальный опыт автора. И потому что всегда существуют противоположные точки зрения, исключающие эту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бондаренко Н.Г. Знание как фактор социального развития // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2004. – № 4.
2. Бондаренко Н.Г. Типология ценностей в социальной динамике современности // Современная наука и инновации. – 2013. – № 1. – С. 80–82.
3. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. /Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – Санкт-Петербург: Алетейя; Москва: Институт экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.
4. Лисанюк Е.Н., Микиртумов И.Б. Дело «Протагор versus Эватл»: принять нельзя отклонить. Человек познающий, человек создающий, человек верующий. – СПб.: Изд-во: СПбГУ, 2009.
5. Baklanova O.A., Baklanov I.S., Kolomak A.I. and Pokhilko A.D. Sociality as a social-philosophical problem. *Life Science Journal*. – 11(11s). – 2014.

REFERENCES

1. Bondarenko N.G. Knowledge as a Factor of Social Development. [Znanie kak faktor sotsialnogo razvitiya]. *News of Higher Educational Institutions. North Caucasus region. Series: Social Sciences*. 2004. No. 4. (in Russ.).
2. Bondarenko N.G. Typology of Values in the Social Dynamics of Modernity. [Tipologiya tsennostey v sotsialnoy dinamike sovremennosti]. *Modern Science and Innovation*. 2013. no .1. P. 80–82. (in Russ.).
3. Bourdieu P. Social Space: Field and Practice. Comp., Gen. Ed. translat by Shmatko N. [Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki. /Sost., obshch. red. per. i poslesl. N.A. SHmatko]. *St. Peterburg: Aletheia; Moscow: Institute of Experimental Sociology*, 2005. – 576 p. (in Russ.).
4. Lisanyuk E.N., Mikirtumov I.B. Case «Protagoras Versus Evatl»: must be accepted must not be declined. A person cognizant, a creative person, a believer. [Delo "Protagor versus Evatl": prinyat nelzya otklonit. CHelovek poznayushchiy, chelovek sozidayushchiy, chelovek veruyushchiy]. *Saint-Petersburg: Publ: St. Petersburg State University*, 2009. (in Russ.).
5. Baklanova O.A., Baklanov I.S., Kolomak A.I. and Pokhilko A.D. Sociality as a social-philosophical problem. *Life Science Journal*. 11 (11s). 2014.